

УДК 821.112.2.09+002.2(430)(091)
ББК 83.3(4Гем)+76.10
DOI 10.20913/1815-3186-2018-4-27-31

КНИГА В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОГО КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВА

© Н. Н. Мисюров, 2018

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия; e-mail: journalist-omgu@yandex.ru

Роль книги в дискурсе немецкого просветительства исследуется на стыке книговедения, философии культуры, лингвистики текста, истории литературы. Отмечается, что книга управляет процессом чтения и последующей интерпретации текста. Рассматривается практика литературной эпохи в Германии 1770–1790-х гг., когда борьба культуртрегеров за обновление немецкой культуры перемещалась из политической сферы в литературу. Делается вывод, что книга (научная и художественная) и чтение становились фактором общественной коммуникации.

Ключевые слова: текст, чтение, просветительство, книга, национальная литература, роман

Для цитирования: Мисюров Н. Н. Книга в литературном дискурсе немецкого культуртрегерства // Библиосфера. 2018. № 4. С. 27–31. DOI: 10.20913/1815-3186-2018-4-27-31.

Book in the literary discourse of the German Enlightenment

N. N. Misyurov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; e-mail: journalist-omgu@yandex.ru

The books' role in the German Enlightenment discourse explores the intersection of different but complementary disciplines: bibliography, philosophy of culture and «text linguistics», as well as the history of literature that expands the possibilities of studying cultural and public communication.

A text (magazine, book) is interpreted as a mechanism that controls the process of learning and understanding. To illustrate the study theoretical foundations, the author considers the historical practice of the literary era in Germany in 1770–1790. The struggle of «cilturtregers» to renew German culture moved from the political sphere to journalism and literature. The author concludes that the book (both scientific and artistic) and reading became a factor of social communication.

The struggle for the renewal of German culture, its national identity preservation due to a number of historical reasons hindering the development of the country moved from the political sphere to the journalism and literature field. It was closely connected with the whole complex of the European Enlightenment ideas. The book – both scientific (philosophical work, art treatise) and artistic one (literary and journalistic composition, dramatic creation, etc.) became an indispensable tool of the nation aesthetic education. In such circumstances, a book obtains the significance of not only the «source of knowledge» but a kind of «catechism» to struggle for national culture.

Thus, considering a book text as a phenomenon of the German culture of the Enlightenment century with ideological and aesthetic significance, it should be especially notes that such a «text» (a book of scientific, philosophical, moralistic or artistic content) is addressed both to a specific reader, a representative of some class, and to a «collective reader». The German novel (it is the genre of «trivial» literature that is considered directly) is a product of the era. The dialogue «author – reader» (or a complicated triad «author – publisher – reader») was the basis of the nation estetic education. Reading became a fact (and a factor) of social communication. The German book has been transformed from an expensive and exclusive «source of knowledge» targeted for scientists, connoisseurs of «beauty» to a catechism (available for the ordinary reader) of the national struggle to preserve the German culture self-existence and to acquaint the nation to the treasures of the world classical «ancient» and modern literature.

Keywords: text, reading, enlightenment, national literature, book, novel

Citation: Misyurov N. N. Book in the literary discourse of the German Enlightenment. *Bibliosphere*. 2018. № 4. P. 27–31. DOI: 10.20913/1815-3186-2018-4-27-31.

Текст как феномен культуры существует в знаковой форме и потому имеет «значение» (онтологическое, коммуникативное, информативное, эстетическое и др.). Отбросим предлагаемое современной наукой о языке противопоставление «письма» и «речи» (например, Ж. Деррида) и признаем, что как речевая, так и письменная, а также печатная формы текста есть важнейшие компоненты общения [7]. Задействованный в общественной коммуникации,

диалоге культур текст обладает свойством обращенности (к конкретному лицу, коллективу). И именно в этом качестве является продуктом своего времени. Текстуальные структуры определяют как «приемлемые дискурсы» (Т. ван Дейк); носитель языка подчиняется объективным его законам, но обладает правом на свободное построение и перестроение текстов для последующих интерпретаций [2, с. 53, 79]. В книжном тексте (литературном) диалог «автор – читатель»

всецело опосредован спецификой эстетического понимания. Текст (журнальный, книжный) следует интерпретировать как механизм, который управляет процессом познания и понимания. Чтение как индивидуализированный процесс предполагает совпадение или же, по крайней мере, совмещение личностных и коллективных ценностных установок (немецкие романтики называли такое снятие «диалектического противоречия» попыткой гармонизации отношений индивидуума с универсумом).

Рассмотрим в качестве примера, иллюстрирующего теоретические построения сегодняшнего времени, историческую практику эпохи немецкого Просвещения. Космополитизм – характерная доминанта в культурном наследии XVIII в. Однако преобладающими тенденциями общественного движения в Германии 1770–1790-х гг. (получившего у историков литературы обозначение «*культуртрегерство*») следует считать не только гуманизм, космополитизм и демократизацию литературы, но и ясно выразившуюся тенденцию к усилению «*культурного национализма*» (вдохновителем движения был пастор И. Г. Гердер). Борьба за обновление немецкой культуры, сохранение ее национального своеобразия в силу целого ряда исторических причин, тормозивших развитие страны, переместилась из сферы политической (общественного диалога народа и властей, светских и церковных) в сферу журналистики и изящной словесности. Она была органически связана со всем комплексом идей европейского Просвещения; выступив позднее своих французских «учителей», немецкие просветители сумели синтезировать парадигму «века разума», диалектически снимая противоречия, проявившиеся в литературе позднего Просвещения и открывая дорогу новому романтическому искусству и философско-эстетической мысли XIX столетия – века социальных революций и национально-освободительных движений. Книга – научная (философский труд, искусствоведческий трактат) и художественная (литературно-публицистическое сочинение, драматургическое творение и пр.) – становилась незаменимым средством эстетического воспитания нации.

Серьезная проблема была в том, что нация политически разобщенной страны, считавшейся европейским захолустьем, в литературной жизни мало или совсем не принимала участия. «Кабинетное» творчество (по ироничному определению немецкого литератора Жан-Поля) вызывало насмешки журнальных критиков, издатели должны были больше прислушиваться к запросам читателей, требовавших исключительно «жизненной правды» (так формулировал задачи литературы молодой драматург Я. Ленц). Любопытен один из феноменов тогдашней немецкой сцены – «*мещанская драма*»: «слезное» разрешение драматического социального конфликта – альтернатива *картезианской* рационалистической коллизии французского театра; «задушевность» принято было считать отличительной чертой немецкого характера. Энтузиасты искали поэтические сокровища германской старины, участвовали публикации литературных памятников (древнегерманский эпос, лирика миннезингеров, «народные книги» и др.); пропагандируемые

молодыми поэтами духовные ценности и жизненные принципы выходили далеко за рамки «чистого искусства».

И все же разрыв между кантианским «*должным*» и «*сущим*» был весьма велик, воздействие философов и литераторов на умы современников ограничивалось явно недостаточным уровнем народного образования и просвещения; общественное мнение в Германии той поры мучительно никак не складывалось. Лучшие умы осознавали, что соперничество с другими народами немецкая нация проигрывает, в «голосах народов» ее едва слышно. Исторический опыт свидетельствовал, что древнееврейский Ветхий Завет и гомеровская «Илиада» при всей их уникальности не являются каким-то исключением из практики человечества, у немцев могут быть (должны явиться) и Гораций с Овидием, и свой Шекспир. Возрастающая роль культурных образцов, подбодряющих примеров духовной деятельности и культурного творчества. Понятие *классического* отличалось многозначностью: одни видели в нем полное торжество *объективного*, другие же – абсолютную свободу быть *субъективным*. Культуртрегерские задачи были совершенно очевидными: необходимо внимание и усердие для того, – настаивал выдающийся немецкий просветитель, исследователь и пропагандист античности И. И. Винкельман, – чтобы «поднять человеческую природу до должной степени во всех действиях, в которых ей надлежит проявляться, соответственно таланту каждого» [3, с. 114]. Вся история искусства других народов, в первую очередь «древних», есть реализация «*прекрасного*», которому подчиняются гармония природы и «жизненная правда», человеческая фантазия и общественные идеалы политической свободы. Национальный характер можно воспитать.

Книга (книжный текст как дискурсивный элемент общественного диалога) в таких обстоятельствах обретала значимость уже не только «источника знаний», но и, прежде всего, своеобразного «катехизиса» борьбы (неслучайно участие в культуртрегерском движении представителей священнического сословия). Издательское дело в Германии всегда было на высоте. Знаменитые издательские дома (вроде берлинской «фабрики романов» Ф. Николаи) выпускали огромное количество литературной продукции научного и религиозного содержания, для школьного обучения и для «домашнего чтения», серьезной и развлекательной, переводной и оригинальной отечественной. Книжные ярмарки в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне собирали ежегодно лучших представителей немецких земель: издателей и просветителей, авторов и читателей; становились центрами оживленной культурной жизни «*немецкого мира*». Многочисленные посетители, как и сегодня, могли не только приобрести понравившиеся книги и другую качественную печатную продукцию (молитвенники, моралистические брошюры, церковные календари, альбомы гравюр, поэтические новинки), но и побывать на публичных лекциях и проповедях тогдашних «*властителей дум*», встретиться с любимыми писателями и прославившимися художниками. Немецкие мыслители

и писатели прокладывали свой путь в европейском Просвещении; борьба с пережитками феодальной идеологии, морали, права обусловила критический характер философской и эстетической мысли немецкого просветительства, ее зрелость и самостоятельность. Любопытно, что в книжной продукции конца XVIII в. философские и педагогические сочинения теснили поэзию и музыку (нотные тетради музыкальных опусов), исторические и теологические труды. Воспитание просвещенного «гражданина мира», помнящего о своих национальных корнях, гордящегося духовным наследием «достопочтенных предков» (по выражению романтика В. Ваккенродера), было главным делом [1]. Книга фокусировала в себе все эти культуртрегерские цели и задачи (коммуникативные «интересы»), а также сам необходимый инструментарий и способы их осуществления и решения («контекстные модели» и «ситуационные модели», «тематические репертуары», коммуникативные «стратегии» и «стили», как их определяет современная лингвистика текста).

Всякое творение «истинного ума» оставляет свой след – подобающее такой книге место – в национальной и мировой культуре и не остается без внимания благодарных потомков. В среде тогдашних библиофилов ценились книги, написанные «знающими» людьми. Оценивая результаты культуртрегерства, великий Гёте, и сам внесший немалый вклад в столь важное и благородное дело воспитания народа, отмечал: «Любой немец может добиваться самой высокой образованности, пользуясь лишь средствами своего родного языка, и без всякой чужеземной помощи. Этим мы обязаны многосторонним усилиям прошлого столетия, принесшим пользу всему нашему народу» [6, с. 189]. В современной науке эволюцию всей западноевропейской культуры рассматривают через призму языка (например, М. Фуко, уделявший философии и литературе особое внимание) [10]. Книга (книжная литературная среда) создает необходимый в коммуникации «общий контекст» (как и некое «смысловое задание», предполагающее определенный консенсус между участниками общественного диалога и культурного обмена; перевод, издание иноязычной книги – тоже специфическая разновидность коммуникации).

Национальная литература вышла за узкий круг ценителей, знатоков и ученых и дошла до самых читательских низов. Книга все больше подчинялась экономическим законам капиталистического товарного производства (напомним, что капитализм был порождением «духа протестантизма», немецкое лютеранство – одна из конфессиональных форм его).

Улучшилось школьное дело; жаждавшие знаний читали умные книги. Жизнеописания людей и путешествия в далекие и близкие страны, в чужие края, расширяли жизненный горизонт, представления немецкого читателя об окружающем мире. Характерной чертой оживившегося книжного рынка стало бурное распространение романов. В романах образованные читатели преимущественно из среднего сословия искали и находили описание общественных коллизий, в которых так хорошо, к сожалению, известно немцам

«повсеместное угнетение» – аморальное пренебрежение князьями церкви и властями светскими библейскими законами справедливости и братской любви – отступало перед силой любви, верности и чести. Развлекательная беллетристика («тривиальная литература») отображала перипетии социальной жизни зачастую с большей искренностью, непосредственностью, откровенностью, чем «высокая» литература того времени. Модные сентименталистские установки (образцы романов «энциклопедий сентиментализма» английских и французских писателей были знакомы немецкому читателю по многочисленным переводам) соединились с социально-критической и моралистической направленностью; результат, что называется, превзошел все ожидания. «Всякая подлинная общественная культура, встречающаяся еще в Германии, – писал глава романтической школы Ф. Шлегель, – это культура сегодняшнего и вчерашнего дня, и она была развита, вскормлена и распространена среди среднего сословия, самой здоровой части нации, почти исключительно благодаря литературе» [11, с. 232]. Заслуги немецких писателей перед нацией трудно переоценить, но не забудем и о заслугах издателей, а также отдадим должное профессиональному самолюбию типографов (немецкая книга всегда была качественным иллюстрированным изданием).

Рисовать нужду такой, какова она на самом деле, стало первостепенной задачей сочинителей: бедствия народа – результат коварных происков развратных придворных и порочных духовных лиц. Смело пошедший навстречу вкусам публики Ф. Шиллер, автор невероятно популярного тогда «Духовидца», своего рода «романа с продолжением», сделался любимцем двух поколений; в пушкинские времена им зачитывались и в соседней России. Вот несколько примеров читательского успеха весьма посредственных авторов. Роман «Жизнь и мнения, а также удивительные приключения Эразмуса Шлейхера, странствующего механикуса» (1789) К. Крамера рисовал благородных разбойников (подобно героям драмы Ф. Шиллера), на стороне которых оказывались «добрые» князья. Роман «Путешествие по убежищам бедствий и по покоям несчастий» (1796) К. Шписа описывал безотрадную жизнь героев (подобных «маленькому человеку» русской классики) в домах умалишенных и за кулисами театральных подмошток. Условное Средневековье стало стереотипным сюжетным пространством романа; тайные церковные судилища, могущественные рыцарские организации, закрытые для непосвященных, отважные герои-мстители и даже потусторонние «духи мщения» захватывали воображение читателей, стремившихся отвлечься от собственных бед и горестей.

Цены на книги разнились, в целом были достаточно высокими (к примеру, отдельное издание шиллеровской драмы «Коварство и любовь» стоило около четырех рейхсталеров – примерно половину месячного заработка рабочего на мануфактурах), но потребитель мог найти книжную новинку себе по карману («Басни» швейцарца Геллерта стоили два рейхсталера) [9, с. 7–8]. Книжные издания представляли собой зачастую весьма объемистый том, как, например,

роман И. Я. Энгеля «Господин Лоренц Штарк, характер» (1795), обстоятельно описывавший семейный конфликт отцов и детей в купеческой среде. Паразитический образ жизни дворянства разоблачал толстенный роман И. К. Хакена «Серая папка из наследства Эвальда Ринка» (1797). Назовем (в духе В. Г. Белинского) этот некогда востребованный массовым читателем тип книги условно «энциклопедией немецкой жизни».

Роман, согласно читательским представлениям, – это прежде всего история любви. В романе любимого писателя курфюрста Фридриха Вильгельма II А. Лафонтена «Клара дю Плеси и Клэран» (1793) рассказывалось о несчастной любви дочери дворянина и молодого арендатора; соединиться юным героям мешают сословные предрассудки: отец героини – эмигрант-роялист, а возлюбленный – солдат французской революционной армии. Следом за любовным романом в издательском и читательском рейтинге популярности шел роман «разбойничий». Роман К. А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников» (1798) обрел невероятную славу, нашел своих читателей и за пределами страны (об этой книге вспоминают гадающие о персоне Чичикова провинциальные герои первого тома гоголевских «Мертвых душ»). Постепенно преодолевался сословный характер литературы предыдущего периода и дидактизм; немецкие писатели все больше уделяли внимания углубленному анализу психологии личности, учились понимать и отображать в своих сочинениях разносторонность жизненных человеческих отношений, стремились добиться исторической достоверности сюжета. Воспитание вкуса рядового читателя (эстетического самосознания индивидуума) и нравственное воспитание публики признавалось важнейшей функцией литературы.

Отметим еще один интересный жанровый феномен – философский роман. Один из «бурных гениев» Ф. Клигера (заглавие его ранней пьесы дало обозначение движению «Буря и натиск») в 1790-х гг. задумал целый цикл романов, в которых собирался осветить самые актуальные проблемы немецкой жизни и «вечные вопросы» человечества. Вышедший первым роман «Жизнь, деяния и сошествие в ад Фауста» (1791) основывался на народной книге и строился как история испытаний «естественных» добродетелей; злоупотребив морализмом в духе своего кумира – Ж.-Ж. Руссо, автор едва не погубил замысел (издатель несколько охладил к проекту); слишком пессимистичной была концепция героя. Еще один роман – «История немца новейшего времени» (1798) – представлял собой оригинальную программу умозрительной реализации на немецкой почве принципов «естественного права»; герои романа вдохновлены нравственной доктриной Руссо, исполнены идеалов немецкого патриотизма и одновременно дружбы народов во благо всего человечества. Осилить столь насыщенный политическими «смыслами» роман рядовой читатель был не в состоянии; потерпели неудачу не только герои книги, но и сам автор.

Сложные по структуре и подтексту романы Жан-Поля (псевдоним И. Рихтера) оказались более при-

влекательными для массового читателя; новая, более свободная форма повествования, мастерство в разработке характеров, авторская ирония, искрометный юмор, тонкий расчет на читательскую фантазию – все это привлекало современников. Трехтомный роман «Геспер» (1795), утвердивший его славу романиста, пользовался большой популярностью у читателей еще на протяжении целого десятилетия. Герои – молодые люди, стремящиеся осуществить свои гуманистические идеалы в совсем неподходящих условиях княжеского абсолютизма; созданные автором образы достойных и высоконравственных людей, примером собственной жизни доказывающих силу воздействия возвышенных идеалов, стали ориентиром для молодого поколения (будущих участников движения «Молодая Германия»). Это свидетельство эффективности литературного дискурса культуртрегерства.

Выводы

Итак, рассматривая книжный текст как феномен немецкой культуры века Просвещения, имеющий идеологическое и эстетическое значение, особо отметим, что такой «текст» (книга научного, философско-моралистического или художественного содержания) обращен как к конкретному читателю, представителю своего сословия, так и к «коллективному читателю». В этом качестве немецкий роман (рассматривался именно этот жанр «тривиальной» литературы) является продуктом эпохи. Определенные сюжетные и смысловые структуры романа – любовного, «разбойничьего», философского – формируют «дискурсивные модели» культуртрегерства. Диалог «автор – читатель» («автор – издатель – читатель») был основой эстетического воспитания нации. Чтение становилось фактом (и фактором) общественной коммуникации.

Анализ изменений на книжном рынке показал, что обмен печатной продукцией между книгоиздателями заменялся расширением подписки и книготорговли, более эффективным продвижением литературных новинок в народные массы; книжные ярмарки становились своеобразными дискуссионными площадками; совершенствовалось само издательское дело. Увеличение тиражей, а значит и удешевление изданий, не сказалось на качестве книжной продукции. Этому способствовало улучшение школьного образования и повышение образовательного уровня массового читателя. Немецкая книга превратилась из дорогостоящего и эксклюзивного источника знаний, рассчитанного на ученых, знатоков и ценителей прекрасного, в доступный рядовому читателю каталог всенародной борьбы за сохранение самобытности немецкой культуры и приобщение нации к сокровищам всемирной литературы, классической «древней» и современной.

Заключение

«Век разума» завершился всеобъемлющим системным кризисом. Французскую революцию Ф. Шлегель называет «универсальным землетрясением». Настроения

«мировой скорби» сделали характерной приметой тогдашней умственной жизни. Возродившийся мистицизм довольно скоро вытеснил из обихода еще недавно столь популярный в интеллектуальной среде просветительский рационализм, «религиозное томление» одержало бесспорную победу над деизмом и насмешливым атеизмом. Просветительство исчерпало себя. Теперь же в изменившихся обстоятельствах (французская оккупация Германии 1806 г.) возглавить новое общественно-политическое движение «германского возрождения» должны были совсем другие люди, правоведческая и религиозно-этическая мысль Германии вырабатывала новую общественную парадигму.

Идеи европейского гуманизма, принадлежащие отвлеченной области мысли, не могли не конкретизироваться на немецкой почве. Чтобы охватить и понять общее, необходимо выработать свое, индивидуальное: «особенность есть собственно имманентный

момент всеобщего» (Г. В. Ф. Гегель). В этом «фокусе» сходятся все центробежные и центростремительные идейные векторы, тем самым согласовываются кажущиеся противоположными индивидуализм и универсализм. Этот путь приводит к примирению космополитизма с народностью как к условию самобытного художественного творчества: в народности – исходный материал творчества и определяющая точка зрения; в космополитизме – оживляющий его дух, высший критерий оценки, мерило жизненности и вечной ценности художественного произведения. Народный читатель признавался высшим судьей творений художника и поэта. И. Г. Гердер призывал творцов культуры «собирать народ вокруг себя», трудиться не покладая рук [5]. Внести дух разума и справедливости в политическую и общественную жизнь Германии – такой была высокая миссия немецких культуртрегеров. Справиться с этой грандиозной задачей помогала немецкая книга.

Список источников

1. Ваккенродер В. Г. Фантазии об искусстве : пер. с нем. Москва : Искусство, 1977. 263 с.
2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. Москва : Прогресс, 1989. 312 с.
3. Винкельман И. И. Избранные произведения и письма : пер. с нем. Москва : Academia, 1996. 688 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа : пер. с нем. Москва : Акад. проект, 2008. 767 с.
5. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества : пер. с нем. Москва : Наука, 1977. 705 с.
6. Гете И. В., Шиллер Ф. Переписка : пер. с нем. Т. 1. Москва : Искусство, 1988. 540 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии : пер. с фр. Москва : Ad marginem, 2000. 512 с.
8. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики : пер. с нем. Москва : Искусство, 1981. 448 с.
9. История немецкой литературы : пер. с нем. Т. 2. Москва : Радуга, 1986. 344 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук : пер. с фр. Санкт-Петербург : Academia, 1994. 408 с.
11. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : пер. с нем. Т. 1. Москва : Искусство, 1983. 479 с.

References

1. Wackenroder W. *Phantasii ob iskusstve* [Fantasies about art]. Moscow, Iskusstvo, 1977. 263 p. (In Russ.).
2. Van Dijk T. A. *Yasik. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress, 1989. 312 p. (In Russ.).
3. Winkelmann J. J. *Isbrannnye proizvedeniya i pis'ma* [Selected works and letters]. Moscow, Academia, 1996. 688 p. (In Russ.).
4. Hegel J. W. F. *Phemenologiya dukha* [Phenomenology of spirit]. Moscow, Akad. prospect, 2008. 767 p. (In Russ.).
5. Herder J. G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas on the philosophy of the mankind history]. Moscow, Nauka, 1977. 705 p. (In Russ.).
6. Goethe J. W., Schiller F. *Perepiska. T. 1* [Correspondence. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo, 1988. 540 p. (In Russ.).
7. Derrida J. *O grammatologii* [On grammatology]. Moscow, Ad marginem, 2000. 512 p. (In Russ.).
8. Jean-Paul. *Prigotovitel'naya shkola estetiki* [Preparatory school of aesthetics]. Moscow, Iskusstvo, 1981. 448 p. (In Russ.).
9. *Istoriya nemetskoi literatury. T. 2* [History of German literature]. Vol. 2. Moscow, Raduga, 1986. 344 p. (In Russ.).
10. Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of the human sciences]. Saint Petersburg, Academia, 1994. 408 p. (In Russ.).
11. Schlegel F. *Estetika. Filosofiya. Kritika. T. 1* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo, 1983. 479 p. (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 23.10.2018 г.

Сведения об авторе: Мисюров Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики ОмГУ им. Ф. М. Достоевского